
М. Г. КРАМАРОВСКИЙ

ТРИ ВЕЧЕРА С ЭДУАРДОМ КУЛЬПИНЫМ. САРАТОВ

Эти строки даются не без усилия: внезапный уход из жизни Эдуарда Сальмановича не приемлет сознание.

Эдуард – один из моих давних и авторитетных коллег по изучению Золотой Орды, чье мнение всегда было интересным. Недавно, в начале июня, мы встретились в Саратове, куда были приглашены как в город – преемник золотоордынского Укека (Увека). Предстояло обсудить перспективы изучения и музеефикации средневекового городища второй половины XIII – XIV в.

Беда случилась почти сразу по возвращении из служебной командировки.

Саратовская встреча – многолюдная и напряженная – для меня оказалась отмеченной тремя вечерами с Эдуардом Сальмановичем. Мы прогуливались вдоль набережной Волги с ее впечатляющей водной гладью, беседовали за чаем в по-советски роскошном гостиничном номере тринадцатого этажа с табличкой «...здесь проживал М. Растропович». Разговоры заканчивались за полночь. Обсуждали историю торжищ у причалов Среднего Поволжья, переросших в города в ордынский, а после – и в московский периоды (Увек и Саратов в их числе), предстоящую встречу в Судак. Немалое место в этих беседах заняли проблемы социоестественной истории «нашего Крыма», что в подаче Эдуарда Сальмановича звучало свежо и «в тему».

Одна из линий разговоров складывалась вокруг комплекса идей о золотоордынской цивилизации. Эту тему мы подняли почти одновременно. Но подходы были различными. Я пришел к нему через анализ артефактов археологии, собранных из десятков музеев страны на выставку, которой открылся центр Эрмитажа в Казани (2005 г.); коллега – опираясь на критерии, связанные с развитием целостного информационного, экономического и ментального про-

странства, уровнем самоорганизации сообщества тюрок и монголов в XIII–XIV вв. Объектом исследования Эдуарда Сальмановича стали условия обеспечения базовых социально-психологических потребностей населения Улуса Джучи. Эти идеи нашли наиболее полное отражение в его статье «Цивилизация Золотой Орды» (2008) и книге «Золотая Орда: судьбы поколений», вышедшей двумя изданиями в Москве и Симферополе (2010 г.).

Критики Э. С. Кульпина усомнились в правомочности постановки вопроса о выделении золотоордынской цивилизации в принципе. Оппоненты выдвинули три контраргумента: а) слишком короткий отрезок времени существования Золотой Орды; б) присутствие в рамках джучидского пространства двух культурных пластов – мира кочевников-скотоводов и городов с их синкретической культурой; в) отсутствие собственного (золотоордынского) культурного кода, лишаящего Джучидов узнаваемости.

Как ни удивительно, но в каждом из тезисов оппонентов очевидны полемические натяжки.

Формально политическая история Золотой Орды, если даже считать ее началом введение собственного чекана Менгу-Тимуром (1267–1280), вмещает 11,7 или ~12 поколений ордынцев (вспомним о любимой Эдуардом Сальмановичем цифре в 7 поколений!). И это если не считать столетия со времени выделения Чингисханом домена Джучи и его развития в системе Великого монгольского государства, а также периодов Бату (1227–1255) и Берке (1257–1267). Не следует забывать, что политический распад государства Джучидов сопровождался созданием отдельных тюркских государств, унаследовавших культурный код Золотой Орды, а династия крымских Гиреев прекратила свое существование только в 1783 г. И все это время культура наследников развивалась в парадигме материнского лона. Так достаточно ли 28,8 (~29) поколений для утверждения цивилизационных предпосылок, в своей основе сложившихся при жизни первых 17-ти?

Обсуждать проблему существования оседлых ремесленно-торговых поселений и городов в культурном поле номадов (в преломлении Золотой Орды – сосуществования двух взаимодополняющих систем) сейчас уже даже нарочито. Эта проблема давно решена поколением наших учителей. Города степняков хорошо из-

вестны. Активное строительство городов в монгольской степи велось начиная с периода Уйгурского каганата (745–842 гг). Общее количество городов неизвестно, но по долинам Селенги и Орхона мы знаем такие городища уйгурского времени, как Байбалык, Тойтен-Голгой, Тайчжин-Чуло, Челим Балгас и др. Уйгуры ввели в практику существование имперского столичного центра. В 751 г. ставка кагана в долине Орхона превратилась в стационарный город, с течением времени переросший в мегаполис – Карабалгасун (Ордубалык). Город в речной долине растянулся более чем на 20 км и, по-видимому, носил характер агломерации, где участки поселений городского типа перемежались с сельскими поселениями. Ганс Хютель и Эрдэнебат сопоставили Карабалгасун с Каракорумом. Поскольку уйгуры поставили под контроль торговлю по Шелковому пути между Византией и династией Тан, Карабалгасун быстро стал крупным центром транзитной торговли (в этом можно видеть одно из его отличий от Каракорума, расположенного вдали от торговых маршрутов). Кстати сказать, в Золотой Орде, где меридиональный Волжский торговый путь пересекался с широтным Шелковым (от морских причалов Каффы и Азака до Ургенча), это не один или два города, как считают оппоненты Эдуарда Сальмановича, а не менее 140, включая столичные – Сарай (на месте Селитренного городища) и Гюлистан-Сарай (на месте Царевского). Десятки ордынских городов все еще ждут своей идентификации.

Об узнаваемости культуры Джучидов – всаднической и городской (несмотря на многокомпонентность обеих составляющих) и говорить не приходится: в профессиональной среде, несмотря на дискуссии по поводу отдельных артефактов и групп материалов, этот вопрос даже не стоит.

Увы, беглый перечень саратовских тем не передает прелести вечернего общения с его неспешностью, сбивчивостью интонаций, паузами, шутками и отступлениями. Некоторые сюжеты мы отложили до сентябрьской встречи в Крыму. Теперь этого не восполнить.